

19 февраля 2011 г. исполнилось бы 60 лет доктору философских наук, первому декану факультета социологии в Шанинке, создателю и бессменному главному редактору «Социологического журнала», профессору Геннадию Семеновичу Батыгину (1951-2003). Именно ему принадлежит знаменитая, получившая ряд самых различных интерпретаций, но далеко не всеми понимаемая фраза, что все социологи делятся на служебных, охотничьих и декоративных «собак». Публикуем подборку воспоминаний его учеников, коллег и друзей.

* * *

Батыгин и детство

Александр Никулин, канд. эконом.наук, директор Центра аграрных исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы:

Вспоминая профессора Батыгина, естественно, хочется рассказать чего-нибудь назидательно или хотя бы занимательно научное, что, кажется, непременно должно быть присуще воспоминаниям о замечательном ученом. Надеюсь, что Батыгин находил во мне благодарного слушателя в беседах о науке, в особенности об ее истории. Вспоминается, о том, как Батыгин рассказывал о посещении Б. Расселом большевиков в 1919-м, о значении Берии в советской физике, о разнице мировоззрений, исследовательских и стилистических манер американских социологов Парсонса, Лазарсфельда и Миллса. И все же не об отношении Батыгина к науке как таковой, и ее истории мне бы хотелось сейчас рассказать. В конце концов, читайте тексты Геннадия Семеновича, там про это много глубоко интересного написано.

Почему-то эмоционально ярче всего у меня возникают ассоциации связанные с впечатлениями: Батыгин и детство. Сразу оговорюсь, что рассуждения на тему «замечательный человек и детство» часто уводит рассказчика в какой-то анекдотический сентиментализм, который иногда скрыто, иногда явно пародировали, например, Зощенко в рассказах «Ленин и дети» или Хармс в анекдотах «Толстой и дети». Тем не менее, ничего не могу с собой поделать, кратко выскажусь на эту тему.

Батыгин и к студентам относился как к детям, причем, как-то особо естественно старомодно вежливо, обращаясь персонально к каждому по имени отчеству. Также во множественном числе, естественно уважительно обращался он к студентам: коллеги!

С этим «коллега-имя-отчество» относительно не великовозрастного, а действительно маленького ребенка запомнилась такая забавная история. Не помню точно год, было это в конце 1990-х, я пригласил Геннадия Семеновича к себе на день рождения. Тогда среди гостей находился мой четырехлетний племянник Сеня. Геннадий Семенович знакомясь с племянником, вежливо заинтересованно обратился к нему на Вы, и уточнил его отчество. Сеня был очарован профессором Батыгиным. Кажется, впервые в своей жизни Сеня узнал, что он, оказывается, сам есть Арсений Дмитриевич. Дальше, играя с

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

ним в кубики, Геннадий Семенович объяснил Сене, что они в этих своих совместных занятиях к тому же еще и коллеги. Помню, как Сеня забрался на колени Геннадию Семеновичу, Батыгин величал его на Вы Арсением Дмитриевичем, а Сеня зачарованно тербил своими маленькими пальчиками бороду профессора, и восторженно отвечал: «А ты, коллега Батыгин!».

Прошло несколько лет, и в разговоре со мной Батыгин неожиданно спросил: «Как поживает Ваш племянник Сеня... - Арсений Дмитриевич? Должно быть, большой он стал, хитрый... они с возрастом хитрые становятся». И профессор, не дожидаясь моего ответа, взором углубился в воспоминания личностного опыта по возрастной психологии детей.

Еще про детство. Один раз у меня только что закончилась лекция по исторической социологии, посвященная работам замечательного французского историка Филиппа Арьеса. В центре лекции находилась книга Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке». Студенты и после лекции задавали вопросы в связи с центральным утверждением Арьеса, что еще 500 лет назад, так называемого мира детства фактически не существовало. Ребенок тогда воспринимался лишь как маленький недоразвитый взрослый. А его смерть, – потеря ребенка семьей, – не переживались в средние века с такой скорбью и болью, как в новые времена.

Студенты, в конце концов, покинули аудиторию, в нее вошел Батыгин, у него здесь должна была быть следующая пара лекций. Он поинтересовался, чего это мы так оживленно здесь обсуждали. Я сослался на концепцию Арьеса, которую Геннадий Семенович, конечно, знал, и тут же он высказал к ней свое отношение. Обычно Батыгин не бывал резок и безапелляционен, но тут именно он сказал, как отрезал: «Ерунда все это, мир детства был всегда, и во все времена, и всегда все переживали о потерянном ребенке». В подтверждение, он тут же, чуть застенчиво, процитировал из Библии: «Плачет Рахиль о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

Детский мир во взрослом ученом, как изначальный источник сокровенного научного познания и любознательности, был сполна присущ Батыгину и тем коллегам, которых он особенно ценил и любил. И среди этих ученых-коллег-детей, мне кажется, особое место в сердце Батыгина принадлежало профессору Ядову. При упоминании имени Ядова, в разговоре о нем, на лице Батыгина возникало такое тревожно-восторженное, улыбающееся-нежное выражение, какое изображал артист Алексей Смирнов играя старину Билла в гайдаевском фильме «Вождь краснокожих».

* * *

Зависание декана

Александр Артамонов, старший научный сотрудник Лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии, ранее научный сотрудник, затем руководитель информационного отдела (1993-2006), зам. декана факультета управления социокультурными проектами МВШСЭН (2006-2009):

В первые годы становления Шанинки несколько раз возникала тема оценки эффективности работы информационного отдела, руководителем которого был я. Парадокс внешней оценки деятельности системной службы – чем лучше она работает, тем меньше ее замечают. И наоборот, если сотрудники целыми днями на виду с отверткой в одной руке и компакт-дисками в другой – что-то происходит неладно.

У нас в течение некоторого времени ничего неладного не происходило и начальство, вероятно, заподозрило, что мы вместо настоящей работы просто сидим за экранами... Разумеется, решить проблему нужно было внедрением отчетности. Сначала руководство потребовало писать ежедневные отчеты о том, кто что делал (это называлось review отдела). Затем отчеты стали еженедельными, но все равно на их оформление уходило довольно много времени. И тогда нас обязали вести журнал, куда заносились все обращения студентов, сотрудников и преподавателей с их повседневными компьютерными бедами. День не приходился на день – в период массовой сдачи работ («дедлайнов») студенты к нам обращались часто, журнал заполнялся интенсивно. А в каникулы, наоборот, по журналу выходило, что мы бездельничаем. Хотя техника – около 100 компьютеров – работала исправно.

И вот в один из дней к нам в отдел заглянул Геннадий Семенович Батыгин – первый декан социологического факультета. «Что приуныли, коллеги?» – «Да вот, Геннадий Семенович, плохо работаем. Ничего не ломается, не зависает, проблем нет, журнал обращений не заполняется». – «Как это не зависает? Смотрите, у вас в отделе только что завис целый декан! Вы можете устранить зависание?» – «Можем, но для этого потребуется перезагрузка». – «Так перезагрузите!». Время было обеденное, мы поставили чайник. Через 15 минут в журнале появилась запись каллиграфическим почерком: «Устранение зависания декана социологического факультета. Время: 15 минут».

* * *

Горячий снег

Александра Бобрецова, выпускница факультета социологии МВШСЭН 2002 г., руководитель проекта TEDxVorobyovo Gory, директор компании Headcheers:

Это оказалось мучительно непросто для меня написать о Геннадии Семеновиче. Пишу в день его рождения, 19 февраля. Наверное, потому, что память идеализировала его образ и поставила в ряд «сакрально-священных» для меня. Так что набраться духа и написать потребовало усилий.

Геннадий Семенович – человек, который в моей жизни сыграл очень значительную роль (думаю, как обычно у него было, не подозревая). Он принимал мои вступительные экзамены в Шанинку, он переубедил меня искать экономику в трапезе, а остановиться на социальных аспектах и мужественно был научным руководителем. Тема моей магистерской диссертации в Шанинке была «Трапеза как социальный феномен. Анализ заголовочной речи мест общественного питания» – как то так). Он был автором книги –

моего хенд-бука, благодаря которому я полюбила, поняла и приняла социологию.

Геннадий Семенович – это профессионал как ученый и исследователь. Он пример того, как нужно относиться к своей профессии, к своему делу. Если ученый – это профессия про «служение», то он для меня один самых ярких примеров такого служения делу и науке. Для меня это «градусник» измерения своего пути, своей вовлеченности и своего профессионализма.

Это искренне. Не помню ничего уже почти из терминологии, его слов, оборотов... Только пример из лекции про оксюморон «горячий снег» врезался в память..

* * *

Кальвадос и бег по инстанциям

Роман Бумагин, консультант по бизнес-конфликтам, канд.социол.наук, генеральный директор агентства «Рефакта», г. Москва:

– Знаете, Геннадий Семенович, у Леонида Петровича Крысина есть работа о социальных аспектах сочетаемости языковых единиц. Там приводится несколько забавных конструкций, абсолютно корректных в грамматическом отношении, но совершенно невозможных с точки зрения обыденной семантики. Что-то типа «Посол Франции принял президента США» или лучше наверное вот это: «Молодой монах благоволил к настоятелю монастыря».

– Хмм? (заинтересованно).

– У нас после эпизода с кандидатскими экзаменами получается что-то подобное. А мне от этого крайне неловко.

– Хмм? (еще более заинтересованно).

– Наверное, получается так: «Студент благоволил к профессору». (Собственный – стратосферно высокий – статус аспиранта был занижен намеренно, чтобы четче акцентировать невообразимость произошедшего). Или лучше так: «Студент послал профессора пробежаться по инстанциям» (аллюзия на кэрроловский бег по инстанциям). А теперь мне стало немного легче.

Если бы за нами в этот момент наблюдала иностранная разведка или инопланетяне в Хаббл, они бы ничего не поняли, как те китайские мудрецы, рассуждавшие о рыбах в пруду, которые то ли резвятся, то ли нет (– но откуда же ты знаешь, ведь ты не рыба; – а откуда ты знаешь, что я не рыба, ведь ты не я!). Не понимал и Батыгин ровно до того момента, пока я не процитировал крысинские иррегуляризмы.

Выслушав, Геннадий Семенович улыбнулся, и сказал что-то ободряюще-успокаивающее. И воцарился мир. Инцидент был исчерпан. Мои извинения приняты. По крайней мере,

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

мне так казалось. А успокоившись, я перестал генерировать турбулентность, которая вот уже неделю лишала наше общение непринужденности. И мы продолжили разговаривать... на равных (sic!)...

(Обсуждали, к слову сказать, «Незнайку на Луне» Н.Носова, которого я в тот момент перечитывал).

Этот диалог состоялся летом 2002 г. в Секторе социологии знания Института социологии, где трудился Геннадий Семенович. А чуть ранее, таким же ясным июньским вечером, выбрав момент (ведь предчувствовал недоброе!), когда профессор Батыгин был занят разговором по телефону, я попросил Ларису Алексеевну Козлову передать ему бутылку кальвадоса двадцатипятилетней выдержки. Она предостерегла меня от этого шага, предупредив, что Геннадий Семенович не одобрит и передавать презент отказалась. (В те времена Россию еще не накрыло цунами нефтедолларов и подобные вещи, возможно, действительно выглядели некорректно). Тогда я просто оставил коробку с напитком в Секторе и довольный тем, как «я все удачно уладил», отправился домой.

Стоит ли говорить, что на следующее утро, придя в свой офис, я обнаружил электронное письмо. Вежливое и очень строгое. Было видно, что Геннадий Семенович расстроился. А вот, зачем был нужен кальвадос.

В начале июня 2002 года я был в отпуске. В первом своем отпуске потому, как был еще очень юн и только лишь год, как поступил на службу по офисной линии. (Здесь просится «офисно-планктонной», но в планктон, к сожалению, попасть не удалось – в начале нулевых в самом разгаре была третья волна передела собственности: уже интеллектуальная, без пальбы и стрелок. И молодые выпускники социологических факультетов попадали сразу на передовую). В отпуске я гостил у друзей в г. Иваново, и мне на днях предстояло сдать последний кандидатский минимум по специальности в Институте социологии. Не помню всех деталей, но нужно было соблюсти какие-то формальности: занести в отдел аспирантуры определенные бумаги. И не просто занести, а сначала взять там формы, заполнить и только потом сдать. И вот я стою у друзей на балконе (здесь просится «курю», но я никогда не курил; даже в тот день) и понимаю, что надо ехать в Москву, чтобы все успеть. Ехать совершенно не хочется. И тогда мне приходит в голову гениальная по своей простоте мысль. Я прямо на балконе набираю по мобильному телефону профессора Батыгина и рассказываю ему о предстоящих мне бюрократических перипетиях, сетую на то, что я в Иваново, а приехать не удастся... Мягко опускаю, что не удастся-то в силу собственной лени или лености.

– Не беспокойтесь, Роман Евгеньевич, – слышу в ответ, – Будет сделано!

И дальше воображение нарисовало мне веселую и одновременно ужасную картину: профессор Батыгин бежит вниз по лестницам к зав. отделом аспирантуры и докторантуры Татьяне Николаевне Коротковой, берет у нее какие-то бумаги, впечатывает в них какие-то значения и бежит сдавать их. (Не сомневаюсь, что так оно и было). А я в это время развлекаюсь с друзьями, гуляю, радуюсь жизни. Тут-то у меня и

встали перед глазами строчки из статьи Крысина.

Как там Геннадий Семенович говорил: «не совсем правильно с точки зрения природопользования»? И мне мгновенно стало совестно перед всеми: и перед Батыгиным – за то, что заставил его бегать из-за собственной неповоротливости, и перед природой – за то, что не по назначению используется профессор, и даже перед профессором Крысиным за то, что он зря расставлял перед примерами статусно-глагольной абсурдности астериски – маркеры невозможности. Оказалось, ничего невозможного нет.

Отменять было уже поздно – это вызвало бы дополнительные вопросы, на которые у меня не было вразумительных ответов. И остался один выход – дорогой коньяк. На деле уже спустя неделю в магазине вин подходящего коньяка не нашлось (максимум Х.О., а меня как раз перед этим научили, что «уважаемым людям дарить такое – моветон»). Так на повестке дня и возник выдержанный кальвадос.

О чем эта история? Это иллюстрация того удивительного отношения, которое искренне демонстрировал к нам – совсем молодым студентам и аспирантам – Геннадий Семенович, и которое в моменты демонстрации и надолго между ними конституировало наши «Я», иных настраивая на эпигонский лад. Каждую свою лекцию он начинал со слов «Уважаемые коллеги», а в письмах это «уважаемые» переходило в «глубокоуважаемые», за которым, если письмо имело индивидуального адресата, обязательно следовало имя-отчество. Разумеется, это во многом был ритуал, дискурс, языковая игра. Но Батыгин играл в эту игру не рефлексивно, а «с заданием». Обращаясь к нам как к равным, он стремился к тому, чтобы мы реально чувствовали себя равными.

Как позднее, проблематизируя онтологию «молодежи», резюмировал Дима Rogozin, «Теперь я понимаю, почему меня всегда смущало выражение "молодой ученый", почему оно казалось мне дефектным. "Молодежь" – сущность релятивная и возникает только в присутствии (совокупного) субъекта мнящего себя качественно более умудренным, имеющим право наставлять и опекать» (цитата по памяти). В присутствии Геннадия Семеновича молодых ученых не возникало – в его окружении были полноценные исследователи. Или, может быть, просто разглядывая нас каким-то эйдетическим зрением, Батыгин выдавал нам коммуникативные авансы, апеллируя к нашей потенции и будущим состояниям, нежели к актуальной маститости? В любом случае, отношение как к равным было возможным благодаря его величайшей скромности прямо пропорциональной его человеческому и профессиональному достоинству.

И что же происходило? Поскольку реально мы были глубоко не равны, то нам – по крайней мере, рефлексивной части нашей банды – становилось неловко от такого обращения, и это мотивировало нас к самосовершенствованию и работе. К сожалению, некоторых, включая автора этих строк, недомотивировало... (А кто-то и правда возомнил себя равновеликим).

Безусловно, все приведенные описания и различия ложны, поскольку истинное

говoreние о нем – молчание. Как минимум, в тексте очевиден возрастной или поколенческий эго- и этноцентризм («этно-» – по Гарфинкелю). Но с этой этноцентрической позиции действительно фиксируется жирный пучок фотонов – убежденный эгалитаризм Батыгина в отношении младших коллег (оставлю это пояснение про «в отношении», хоть это явный плеоназм). (Как он однажды этим гиперболизированным эгалитаризмом, нарочитой уважительностью и похвалами в адрес особо неуспевающих коллег разрушил председательствовавшему Александру Фридриховичу Филиппову процедуру предзащиты магистерских диссертаций в МВШСН! «Рефлексивная часть банды» вжала голову в плечи от стыда).

Именно поэтому ГСБ и оскорбился моим подношением: он не ожидал такого при общении на равных. Но если «на равных» мне еще как-то удавалось терпеть, то «студент благоволил к профессору» было уже слишком. Поэтому через кальвадос и сопутствующие извинения я вернул себе «привилегию» общаться хотя бы как коллега с коллегой. К сожалению, ненадолго. Прощаясь со мной 24 мая 2003 года («Полит.ру» - за несколько дней до своей смерти), он сказал: «До свидания, Роман Евгеньевич! Жду Ваших дальнейших распоряжений!». А дальше вы знаете... Через неделю Геннадия Семеновича не стало. Так мяч и остался на моей половине поля.

* * *

Батыгин: Стилистическое танго

Валерий Виноградский, докт. соц.наук, крестьяновед, профессор Саратовского института РГТЭУ:

Кто из обществоведов СССР и новой России не знал Геннадия Семеновича Батыгина?

Его знали все. Студенты, преподаватели, лекторы общества «Знание», академические ученые. Батыгин был человеком серьезной научной репутации. Экспертом. Знатком.

Но, одновременно, эта его профессиональная диспозиция не ощущалась как нечто заоблачное и эзотерическое. Он не был человеком из мраморной башни. Батыгин был мастеровым. Как, скажем, живущий рядом с тобой печник, столяр-краснодеревщик или кузнец. Ты хорошо знаешь и ежедневно видишь этих людей, они житейски доступны и душевно понятны. Они живут так же, как и все иные. Но они – люди с секретом. Наблюдая при случае их профессиональную работу, – наблюдая с упоением, – понимаешь, что она равным образом и проста, и загадочна. Она неповторима – и в замысле, и в общих контурах, и в деталях. Чтобы такому мастерству научиться, нужны мегатонны времени и усердия. И всё равно не сумеешь работать именно так, как они.

Таким особым мастером был, несомненно, Батыгин. Мастером спокойного и качественного мышления. Мастером простой, чистой, глубокой фразы. Мастером краткого, но плотного и весомого высказывания. Повторять интеллектуальный и риторический дискурс Батыгина – бессмысленно. Подражать ему – невозможно. И в этом тот сакраментальный «секрет мастера», который выше логики. Выше простого

понимания.

Но бывают в жизни ситуации и обстоятельства, когда тебе внезапно становится понятной механика некоторых творческих движений такого рода людей. В нашей совместной с Геннадием Семеновичем биографии (биографии, к сожалению, краткой – я ежедневно общался с ним не более года) был такой, отчасти, курьезный эпизод.

В 1998 году я поступил в качестве слушателя в Московскую высшую школу социальных и экономических наук («Шанинку»). К тому времени я уже семь лет был доктором наук. Но я был к тому же членом крестьяноведческой команды Теодора Шанина, в составе которой в течение десяти лет изучал сельскую глубинную Россию, подолгу живя в поволжских деревнях и кубанских станицах. На финише экспедиции Теодор предложил всем нам пройти британскую магистратуру в МВСШЭН. Дескать, после полевых скитаний нам нужна библиотека и письменный стол с компьютером. «Это будет лишнее...» – кратко подытожил Шанин свое предложение.

Как и многие иные специалисты, труды Геннадия Семеновича я читал и, по необходимости, цитировал. Но живого Батыгина я увидел впервые на собеседовании в Московской школе – он был в те поры деканом социологического факультета. Первые запомнившиеся слова, сказанные мне, были таковы: «Валерий Георгиевич, вы – наш школьный казус. Кандидаты наук к нам поступают, но вот чтобы доктора... Придется с вами повозиться».

И эта педагогическая возня, похожая, скорее, на сложный и красивый танец, началась. Батыгин начал постепенно образовывать поступившую на социологический факультет команду (и меня в особенности – я же был «казусом») в качестве слушателей Шанинки. Начал исподволь учить социологическому ремеслу. И делал он это очень просто. Кроме чтения курса по методологии социологических исследований, он регулярно давал читать рукописи статей, присылаемых в его «Социологический журнал». «Это Вам – для контрольного чтения...» – почему-то смущенно говорил Батыгин, вручая мне очередную порцию текстов. Я обычно высказывался по поводу тем и идей, но более всего напирал на редактуру – на качества текста как информационно-эстетического изделия. Мне это нравилось. Батыгиным это поощрялось. И это, кроме всего прочего, рассматривалось Геннадием Семеновичем как внеаудиторная форма практикума по его курсу научного редактирования.

И как-то само собой получилось, что Геннадий Семенович начал давать мне для чтения его собственные статьи – и новые, и давно написанные. Причем давать не как оттиски из журналов, а, что называется, с верстака, из своих рук, – в виде пачки листов формата А4. И то верно, – в таком разе автор воспринимается гораздо свежее и непосредственнее.

И вот однажды зимним вечером, я, сидя в своей одноместной конуре на восьмом этаже студенческого общежития МГПУ на Юго-Западной, взял в руки страницы, накануне вытянувшиеся из принтера библиотеки Шанинки. Так, смотрю, – статья. Батыгин Г.С. «Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в научную биографию». Лет пять тому я уже

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

видел этот текст, но внимательно начал читать впервые. Замечательно красивый эпиграф из Райнера Мариа Рильке. Умный, спокойный, чистый, наполненный людьми, мыслями и укрощенными (по-батыгински) эмоциями, текст. И вот где-то ближе к середине текста читаю очередные фразы и вдруг застаю. Глаз сигналил о каком-то непорядке. Что-то не так... Но ведь у Батыгина не может быть «что-то не так»! Это я уже усвоил.

Н-да... Читаю это место еще раз: «Социология — это процедура анализа данных о людях или их организациях. Пауль Лазарсфельд был раб процедуры, примерно так же, как всемогущий джин является рабом кувшина. Процедура выполняет в науке примерно ту же роль, что обряд в религии, или уголовно-процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдена процедура, вывод не может считаться легитимным, то есть научным. Для психолога и социолога человек — испытуемый, и «кодекс» проведения эксперимента — критерий профессиональной легитимности ученого. В социологии вопрос «Зачем кружится ветер в овраге?..» может – в принципе – быть включен в ее тематическое пространство, правда, это будет социология особого рода».

А, вот оно что! Ошибся Батыгин. Ошибся в цитировании. Слова похожие перепутал. Надо заметить, что накануне, на занятиях по практической стилистике, которые вел именно Геннадий Семенович, мы изучали тему «Паронимы и паронимия». Надо также сказать, что лингвистический слух сильно обостряется после таких лекций-семинаров Геннадия Семеновича. И литературная память освежается. Так вот – «Зачем кружится ветер в овраге?..» – нет таких слов у Пушкина. Нет именно такого сочетания лексем! Батыгин ошибся!

Что делать? Как сказать ему об этом? И надо ли это говорить?

Случай подвернулся в скором времени. На очередном занятии по стилистике и научному редактированию Геннадий Семенович вежливо внушал нам, что даже если ты по разным причинам не ссылаешься в тексте на цитируемый первоисточник, то ты, как добросовестный автор, обязан его вычитать. Проверить. Убедиться. Впрочем, заметил он, ссылаться необходимо всегда – либо под страницей, либо за текстом. Исключениями могут быть только цитаты из Священного писания. Ссылки на Библию принято помещать внутрь твоего текста. И тут же показал, как это можно сделать, – написал на зеленой аудиторной доске цитату из Евангелия от Матфея и сослался на источник. Я тотчас все это законспектировал: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13:12).

Геннадий Семенович в то время, как я узнал позже, начинал формулировать свой весьма пронизательный и актуальный (особенно сегодня) текст: «Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (замечки эксперта)». И как раз этому тексту предпослана та самая, написанная мелом на доске, горькая максима евангелиста Матфея. Таким образом, дисциплина цитирования была в тот раз ощутимо подтянута и закреплена, как хорошая инструментальная оснастка мастера-человека.

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

И вот занятие закончилось. Мы по обыкновению вышли под лестницу, слева от центрального входа в Московскую Школу, и закурили. Начали трепаться. О, как прекрасны и поучительны бывают эти неторопливые беседы! И почему-то повывелись они из обихода в последнее время. И это – тоже некий социологический индикатор, вероятно...

- «Геннадий Семенович, а каков точный смысл глагола "кружиться"?» – спросил я с самым невинным видом.

Батыгин, как правило, относился к такого рода вопросам серьезно. Он уважал язык. Он постоянно думал о языке.

- «Надо бы у Ожегова уточнить... А может, лучше – у Даля... Но у Даля вряд ли будет это словечко – словарные задачи у Владимира Ивановича были иные...»

Кстати, Батыгин оказался прав – Даль не включил это слово в свой труд. И продолжал: «Ну, – "кружиться" это, скорее всего, совершать круговые движения. Кружиться в танце, например. В аргентинском танго... А почему Вы спрашиваете?»

Я продолжаю допытываться: «А глагол "крутиться"? Это синоним для "кружиться"? Или есть разница?»

Батыгин спокойно и рассудительно, пока еще не догадываясь о подвохе, отвечает: «Конечно, есть. Или, вернее, – должна быть. Язык исторически избавляется от совсем уж дублетных лексем... Язык – вещь экономная, в сущности. А "крутиться" – это примерно то же самое, что "кружиться". Но когда ты кружишься, это происходит обычно в пространстве. В широком поле. А крутиться-вертеться приходится на одном месте. Вокруг оси. На пяточке... Как в народе говорят: "Хочешь жить – умей вертеться!" Но ведь не кружиться! Это ведь попрыгунья-стрекоза пела и кружилась...» Тут Батыгин весело захохотал, радуясь, – как всё точно сходится и прилаживается в русском языковом хозяйстве.

И в этом месте разговора я отважился прояснить свой нахальный замысел и начал, как сейчас выражаются, финализировать свою незамысловатую, безусловно, шутливо-беззлобную, но все же антибатыгинскую интригу.

- «Вот Вы, Геннадий Семенович, сегодня долго нам объясняли и велели, что надо, мол, вычитывать цитаты. Тем более ответственных авторов. Тем более – прецедентные тексты. А сами, прошу прощения, этим правилом манкируете...»

Батыгин насторожился: «А что Вы имеете в виду?»

Я говорю небрежно: «А вот статья про мастерство Лазарсфельда – Вы мне ее на днях вручили для чтения. А там ведь есть невычитанная цитата... Причем – какая!»

Батыгин: «Да быть такого не может!»

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

Я: «Может, может! К тому же, Геннадий Семенович, это действие совершено Вами при отягчающих обстоятельствах. Вы ведь Пушкина Александра Сергеевича по-своему переиначили... Из "Египетских ночей"...»

Не более полусекунды удивленного недоумения, и вдруг Батыгин понял всё. Надо было видеть его в ту минуту. Он швырнул сигарету мимо урны и закусил рукав. Потом постучал кулаком по лбу. Потом низко поклонился. Еще раз поклонился. Не буду описывать наш дальнейший, сбивчивый и полный присоленных восклицаний, разговор. Не буду рассказывать, как в буфете мы выпили по квадратной рюмке виски, и что было дальше. Но в течение примерно месяца при наших сходах в курилке Батыгин на разные лады повторял:

«Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его...»

И вот однажды задумчиво произнес: «Непонятно, для чего Пушкин употребляет возвышенную форму "подъемлет" относительно древесного листа и прочего мусора? Ведь все остальные слова здесь – более-менее прозаичны... Хотя нет – тут имеется высокая стилевая параллель. Смотрите, – здесь у Пушкина "влага недвижимая", а не просто "тихая". Или – "спокойная вода"... Эх, Валерий Георгиевич, тяжек наш лингвистический промысел! Но – интересен!..»

И, заблестев мальчишескими глазами, засмеялся.

Это было в феврале 1998 года, – ровно тринадцать лет назад...

* * *

Геннадий Семенович Батыгин: взгляд из Киева

Евгений Головаха, докт. философ.наук, зав. отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины:

Масштаб личности и деятельности ученого со временем осознается все более ясно и определенно. Одни бывшие авторитеты после своего ухода из жизни обретают заслуженный покой, другие сохраняют завоеванные позиции – их работы читают, обсуждают, цитируют. Но есть особая категория людей науки, которые с каждым годом становятся все более востребованными. Таких – единицы в каждом научном сообществе. И в нашем – «постсоветском» социологическом – это, несомненно, Геннадий Батыгин.

Мы с ним не раз общались, добросовестно исполняя свои роли: он – главного редактора, я – автора. Признаться, до знакомства с Батыгиным я никому не позволял

«исправлять» мои тексты. Возможно, не очень верил в то, что научным редакторам дано то, что не дано мне самому, – усовершенствовать собственный текст. Но с удивлением обнаружил, что стоически переношу редакторские правки Батыгина. Оказалось, что и «написанное пером» можно вырубить «редакторским топором» так, что статья становилась лучше. Все дело в том, что хотя редактором он был дотошным, но авторскую мысль никогда не трогал, убирая «маленькие вольности», которые иногда дороги сочинителю как продукт долгих творческих мук, но вряд ли уместны в серьезном академическом журнале. Академизм в высшем понимании этого слова отличал работу Батыгина и как главного редактора журнала, и как ученого.

Конечно же, не должен был быть официозным академиком человек, меньше думающий о научных регалиях, чем о профессиональной и общечеловеческой морали. Но для меня Батыгин – истинный член той самой Академии, которую основал Платон. Думаю, так его воспринимали и будут воспринимать профессиональные социологи. По крайней мере, еще в конце семидесятых годов прошлого века, когда Геннадию Семеновичу не было и тридцати, его мнение обладало беспримерным весом. Как вспоминала Наталия Панина, подготовившая в те годы кандидатскую диссертацию в аспирантуре ИСИ, сотрудники института с особым пиететом передавали ей, что даже Батыгину понравилась ее диссертация. «Даже Батыгину» звучало в их устах как «даже самому авторитетному из нас». Мне трудно найти еще один подобный пример в гуманитарных науках, где подобный авторитет добывается не одним десятилетием вдохновенного научного труда.

* * *

Геннадий Семенович Батыгин - 60

Иван Низгораев, канд.соц.наук, выпускник соц. факультета МВШСЭН:

Я пришел в социологию странным образом, вопреки всему. Друзья и коллеги недоумевали. Респектабельное, пусть и нестабильное поприще финансового консультанта не шло ни в какие сравнения с невнятными, многостраничными бормотаниями о рыночных преобразованиях, социальной ответственности, постприватизационных синдромах и прочей, в то время воспринимаемой абсолютно бессмысленной, болтовней. Юношеская самонадеянность, подкреплённая частыми командировками, разговорами с директорами и собственниками, командной работой.

Не зная никого и ничего в социологии, наткнулся в интернете на Шанинку. Рациональных объяснений решения не было, кроме желания что-то изменить. Абсолютно бессмысленный поступок, помещение себя в ситуацию абсурда, кафкианская выходка, не более того. Все изменил курс по методологии. С первых же минут жизнь оказалась переопределена. Сейчас, когда прошло уже более десяти лет, это представляется неправдоподобным, надуманным. Но осталось ясное воспоминание. Вернувшись вечером домой, с восторгом объявил, что нашел себе кумира, вопреки всему □ народной мудрости, обыденным представлениям, здравому смыслу. По-моему, такого не бывает и не может быть.

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

«Глубокоуважаемые коллеги, позвольте вам рассказать об эпистемологии без познающего субъекта», — так началась та, первая лекция, так начинались все лекции этого курса, читаемого в 1999-2000 учебном году. Весь год мы обсуждали Поппера, рассматривали сквозь его оптику машинерию массового опроса, иронизировали, стараясь подражать профессору, над методической самонадеянностью полевицких, вслушивались в этические постулаты и мертоновские амбивалентные конструкции. Нивелирование познающего субъекта как акт послушания, невозможность осуществления познания через представление себя, смирение перед фантастическим многообразием социального мира, явленного в упорядоченных и стройных формах. И далее, эстетика научной работы, красота самых элементарных рутинных процедур, обыденных разговоров, научный этос как форма, смысл исследовательской практики. «Евгений Онегин» и носовский «Незнайка на Луне», манифест коммунистической партии и кантовский категорический императив, как обрамление и пояснение научной деятельности.

Курс не соответствовал напечатанной программе, он не соответствовал и стандартным представлениям о методологии. «Не опасайтесь говорить важное, только оно имеет смысл в научной практике, только оно имеет право быть высказанным», — таков ответ, легитимирующий повторы и возвращения, центробежность всех лекций к серии базовых методологических вопросов. Научная речь не терпит личных местоимений. Личностное знание (по М. Поляни) выступает через дискурс «важного», только так научный сотрудник воспроизводит свое я, конструирует личностный смысл научного действия, только так создается научное понимание мира.

* * *

Ирина Троцук, канд. соц.наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН:

Наверное, в жизни каждого человека случаются встречи, которые определяют для него очень многое в профессиональном и человеческом плане не посредством жестких указаний, долженствований или требований, а исключительно личным примером. Для меня такой встречей стали лекции Геннадия Семеновича Батыгина по истории социологии.

И дело не только в том, насколько интересно, увлекательно, живо он рассказывал о, казалось бы, прописных фактах из жизни стандартного для всех учебников по истории социологии набора ученых мужей. До сих пор у меня перед глазами стоит графическая схема жизни Карла Маркса, на которой отмечены две точки: когда Маркс стал марксистом и перестал быть им (дико перенервничав перед экзаменом, я не смогла вспомнить этих исторических дат, на что Геннадий Семенович спокойно махнул рукой «И Бог с ним»).

А его неоднократное шутовское предложение написать кандидатскую диссертацию о роли женщин в судьбе великих социологов (с почти искренним сожалением он вздыхал «Какая идея! Всем предлагаю, никто не пишет. Может быть, кто-то из вас?»)! А

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

серьезные обсуждения, чем бы интересным нам заняться вместо грустных зубрежек, и притаскивание огромных пакетов с распечатками статей на английском языке для переводов вместо рефератов и курсовых (мне была выдана самая толстая пачка листов с поощрительной фразой «Вы обязательно справитесь»)!

Такова была его манера преподавания – содержательно, информативно, насыщенно, но обязательно интересно, живо, с массой метафор, которые мгновенно расставляли все по своим местам, и цитат из художественной литературы, с примерами из современной повседневности. Почему-то очень хорошо запомнилось объяснение сути социологического номинализма с помощью монолога о розе из «Ромео и Джульетты» В. Шекспира:

Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.
Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Он стремился представить каждую социологически важную персоналию в ее человеческом измерении, а не как набор основных биографических дат и базовых концептов. Геннадий Семенович был поразительно разносторонне эрудирован, причем эрудиция его поражала не сама по себе, а своим ремесленным характером – она была исключительно прикладной, социологически полезной: мне вряд ли бы раньше пришла в голову сама возможность иллюстрации высоких социологических теорий идеями и персонажами художественной литературы и изобразительного искусства (классическое университетское образование склонно вполне жестко разграничивать мир научный и мир искусства).

Но наибольшим потрясением для меня (не могу говорить за всех своих однокурсников) стало отношение Геннадия Семеновича к студентам. До сих пор я крайне редко встречаю в преподавательском корпусе, особенно среди людей, обладающих весомым набором регалий, столь же искреннее подчеркнуто гиперуважительное отношение к каждому студенту (он старался даже обращаться к нам по имени отчеству).

И дело не в соблюдении университетской традиции называть студентов на «Вы», а в постоянном подчеркивании равноправия в высказываниях и отсутствия жесткой субординации и дистанции: он совершенно спокойно и с юмором мог признаться, что чего-то не помнит или не знает, искренне интересовался соображениями студентов (его интонация при назывании нас «коллегами» заставляла верить в возможность когда-нибудь в будущем стать таковыми в полном смысле этого слова), никогда и никому не отказывал в совете и в первое время, пока мы не привыкли к подобным проявлениям мальчишеского жизненного задора у почтенного профессора, шокировал нас своими шутивными характеристиками (стоило сказать, что серию по истории теоретической социологии выпускает вроде как издательство «Канон», как он тут же уточнил «Вы, наверное, круглая отличница?»).

Добавил(а) Социология
22.03.11 04:26 -

Прошло более десяти лет, но свойственной взрослению переоценки людей в случае с Геннадием Семеновичем у меня не произошло: он остается для меня недостижимым идеалом профессионализма в научном, преподавательском и писательском деле.

Геннадий Семенович трепетно и требовательно относился к словам и высказываниям, поэтому особенно горько, что не получается подобрать нужные слова и сложить их в достойный текст о нем.

См. также:

В Институте социологии РАН состоялся методологический семинар памяти профессора Г.С. Батыгина «Социальное познание и семиотика». «Полит.ру», 30 апреля 2009 г.

Н. Демина. Социологи служебные, охотничьи и декоративные. Батыгинские чтения-2007. «Полит.ру», 19 февраля 2008 г.

Р.М. Фрумкина. Наука и жизнь в зеркале «устной истории». Светлой памяти Геннадия Семеновича Батыгина, «РЖ», 22 июля 2003 г.